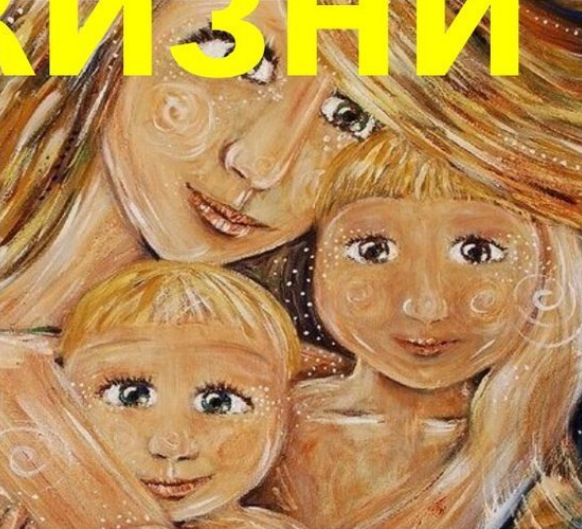
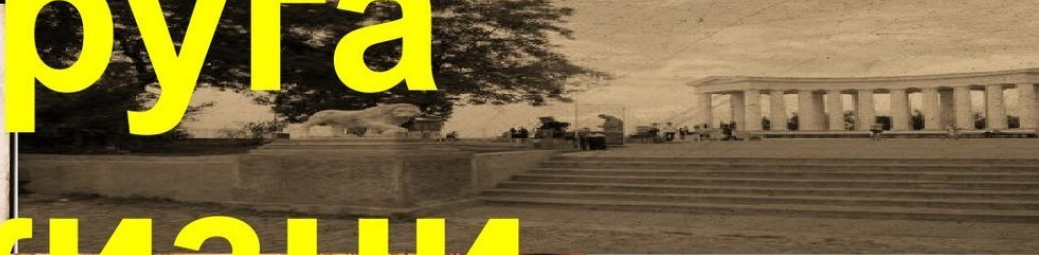

Наталья Гурина-Корбова

Продолжение круга жизни

Жизнь и судьба (Горизонт)

Наталья Гурина-Корбова

Продолжение круга жизни

«ИП Каланов»

2018

Гурина-Корбова Н. К.

Продолжение круга жизни / Н. К. Гурина-Корбова — «ИП Каланов», 2018 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Повествование романа «Продолжение круга жизни» охватывает почти 100 лет. Некоторые герои романа имеют своих реальных прототипов, события в романе отчасти имели место быть, но в большей степени художественный вымысел. На первый взгляд может показаться, что все три части романа мало связаны между собой, но это только на первый взгляд — через все три части так или иначе проходят рассказы о судьбах членов семьи Вишневецких и тех, кто был им близок или просто встречался на жизненном пути.

© Гурина-Корбова Н. К., 2018

© ИП Каланов, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталия Гурина-Корбова Продолжение круга жизни

Одесса. Николаевскій бульваръ и памятникъ Ришелье.

Часть 1

Помоги им, Господи...

*«Когда человек оставляет этот мир,
ни серебро, ни драгоценные камни,
ни жемчуг не уносит он с собой,
но только Тору, которую он изучал,
и добрые дела, которые он творил.»*

(Поучения Отцов)

– Миррочка, девочка моя, кыця моя, – Меер Моисеевич слабеющими пальцами держал Миррину руку и старался ни на одно мгновение не отпускать, – я вот о чём жалею, – он посмотрел на неё такими грустными глазами, что у Мирры ещё сильнее сжалось сердце, – я жалею о том, что ты у меня такая маленькая была.

– Солнце моё, Меер, что такое ты говоришь? Когда это я была маленькая, посмотри- я почти уже старуха, – Мирра нежно погладила его лысеющую, такую родную, такую дорогую ей голову. Провела по оставшимся над ушами седым, всё ещё вьющимся, как когда-то, волосам, поцеловала в висок...

– Просто, если бы ты была постарше, мне не пришлось бы ждать тебя целых пять долгих лет, мы могли бы прожить эти пять лет вместе, понимаешь. А я ждал, когда же ты вырастешь, Голдочка моя, счастье моё.

Меер Моисеевич закрыл глаза и задышал тяжело и часто.

– Ну что-ты, что – ты, родной мой, не надо так волноваться, а то опять приступ начнётся, мы и так с тобой прожили уже больше сорока лет... А ведь и правда, как будто всё случилось совсем недавно, так быстро жизнь пронеслась... Вот ты теперь просто обязан выздороветь, просто обязан, – Мирра говорить старалась спокойно, но слёзы лились по её морщинистым щекам. Она даже была рада, что Меер лежал с закрытыми глазами и не видел её.

– Нам ведь надо дожить эти пять лет вместе, раз ты считаешь, что я виновата, мне же надо как-то загладить свою вину, – Мирра попыталась даже пошутить, но это ей плохо удавалось.

Меер дышал всё труднее, всё чаще, Мирра послала Ицека за очередной кислородной подушкой, но когда он пришёл, было уже поздно.

У постели умирающего отца по традиции должна быть вся семья и особенно самый старший сын, но так уж вышло, что Меер Моисеевич давно болел и жизнь, как и положено, не могла ни то, что остановиться, но даже и притормозиться.

Вот и всё, совсем всё... Мирра сидела и смотрела в одну точку. Слёз не было, да и плакать по еврейскому обычаю в этом случае просто нельзя. Она медленно зажгла свечу, затем произнесла благословение Богу как «судье праведному» и надорвала в знак горя ворот платья с правой стороны, посмотрела на Ицека вопросительно и он сделал тоже самое только слева, как положено сыну.

К вечеру пришёл старший сын Лёва с женой Анной и двумя своими дочками Викой и Фрумой, самый младший сын Илюша возвратился с занятий... Над покойным, как и положено, произнесли Кадиш.

С наступлением ночи Мирра попросила оставить её одну, сыновья возражали, переживая за мать, но она твёрдо сказала, что сидеть около покойного будет всю ночь сама и никакой смены ей не надо. Никто не осмелился ей противоречить.

«Так человек, пока жив, будет думать, что нет иного мира, хотя, выйдя из него, увидит он грандиозный мир иной во всём его великолепии». Может это и так, и может быть Меер уже увидел этот иной мир во всём его великолепии, но вот она сидит тут пока в этом мире и он рядом, но это уже не он.

Неуловимым светлым облаком её окутали воспоминания, нахлынули гигантской тёплой волной... ночь долгая...

Глава 1

Меер Моисеевич Вишневецкий считался в Одессе самым лучшим портным. У него были самые важные заказчики, он знал своё дело так, что костюм, пошитый им хоть на коленке, мог соперничать с любыми парижскими новомодными изделиями. Одним словом, равных ему среди своих собратьев по игле и ножницам не было. Он любил свою работу и гордился своим непревзойдённым талантом. Правда, всё его искусство сейчас, когда шла вся эта катавасия под жутким, противоестественным названием Гражданская война, похоже всё меньше и меньше нужно было кому-то. Людей совсем перестало интересовать, как и во что они одеты. Их теперь волновало совсем другое: живы ли они сегодня, а самое главное, будут ли они живы завтра...

Сначала Одессу наводнили прибывшие войска Антанты. На улицах стало поспокойнее, опять появились стройные, кокетливые барышни, а с ними и кавалеры, стало быть и костюмы этим кавалерам снова должны были понадобиться. А куда они должны эти кавалеры идти за приличным костюмом? Ну конечно же, к самому Вишневецкому, а к кому же ещё? Но продлилось это затишье не очень долго, и скоро эта самая Антанта села на свои доблестные корабли и уплыла к своим родным берегам. Потом пришли Советы, и бандиты тоже оживились, потом летом 1919 года город заняли белогвардейцы... надолго ли, кто за это может сказать? В общем, Одессу ожидали далеко не лучшие времена. По крайней мере, уж точно будет не до костюмов. А семью, то есть свою ненаглядную душечку Мирру и их семь мальчиков надо-таки чем-то кормить.

Вишневецкие жили в большом каменном доме на Торговой улице недалеко от кино иллюзиона «Карсо», правда, в подвальном помещении, но кухня и две комнаты имели свой отдельный вход. Конечно, Меер Моисеевич мог до войны поселиться и этажом повыше, и в квартире побольше, но что-то его чуткому еврейскому сердцу подсказывало, что делать этого не стоит. Не стоит демонстрировать всем и каждому, что они МОГУТ это себе позволить, тем более что ни он сам, ни его бесценная Мирра не обладали тщеславием и не стремились к какой-либо показухе. Самое главное, что бы все были накормлены и каждую Субботу в доме вкусно пахло курицей, да душистые халы пеклись по праздникам.

Когда Меер Моисеевич вошёл в своё жилище, то прямо с порога его обдало каким-то вонючим и непонятным запахом кислятины, хозяйственного мыла и ещё непонятно чего.

– Миррочка, солнышко моё, что случилось? Чем это ты тут занимаешься? Я имею спросить, почему в доме так воняет, голдочка моя? Дышать-таки просто невозможно.

– Никакая я тебе не Голдочка, сколько раз тебе повторять, что меня зовут Мирра, а это две большие разницы, так меня родители называли, вечная им память, и не смей меня по-другому называть, – ворчливо отозвалась жена, даже не взглянув на него.

– Солнце моё, я ничего против не имею твоих родителей, пусть земля будет им пухом, я же в том смысле, что ты моё золотце! И тебя, моя бесценная, надо бы было Голдочкой назвать, просто они и не предполагали, когда ты родилась, какое золото из тебя получится. Но что это за запах, ты не слышишь за что я спрашиваю?

– Так я тебе и отвечаю: а твоим родителям, вечная им память, надо было бы назвать тебя Соломоном, – наконец повернувшись к мужу, ворчливо ответила Мирра.

– Почему Соломоном? Мне и Меером неплохо, что ты имеешь сказать за это?

– А сказать за это я имею, что будь ты Соломоном, может был бы хоть чуточку поумнее.

– Боже ж мой, ну что я опять не так сделал, я интересуюсь это знать, золотце моё? – Меер Моисеевич поставил на пол сумку с чудом удавшимися купить на Привозе продуктами и сел.

– Та Боже ж мой! Он ещё интересуется! Что он сделал? А ты сам не догадываешься, что ты сделал? Кто додумался положить-таки Илюшке в кроватку отрез на брюки? Так вот, я имею сказать за это, что будь ты Соломоном, ты бы сообразил, что дитё ещё в том возрасте, когда

оно не только писается, но и какается в любое удобное для него время. А ведь я тебя предупреждала, я – таки знала, что добром это не кончиться. А мне делать больше- таки нечего, как теперь стирать и вываривать всё это, спасти твои заглазники. Так, что нюхай теперь, сердце моё, раз ты Меер, а не Соломон! – высказав всё накопившееся, Мирра повернулась опять спиной к мужу и стала мешать в большом котле, стоявшем на плите, вываривающийся и, вероятно, всё-таки безнадежно пропавший материал.

Дело в том, что Меер Моисеевич очень разумно, как ему казалось, замаскировал все имеющиеся в запасе отрезки на брюки и костюмы, чтобы в случае чего их не конфисковали: время было совсем беспокойное. Он аккуратно сложил их стопочками по размерам матрасов, да ещё в несколько слоёв, потом обшил всё это разными неказистыми ситцевыми чехлами и постелил на кровати и себе с Миррой и всем детям, в общем, на все спальные места. Матрасы эти, хоть и получились довольно тяжёлые и жёсткие, но зато лучшей маскировки не придумать. Кому в голову придёт, что всё семейство спит прямо – таки на самом настоящем богатстве? Зато потом, он это точно знал, когда всё успокоится, и люди опять вспомнят о брюках, то вот, пожалуйста, у Вишневецкого всегда всё есть. Этим своим изобретением он был чрезвычайно горд. А вчера, его – таки, бес попутал, и он всё же сделал такой же матрасик и Илюше, которому не исполнилось ещё и двух лет. Конечно, он дал – таки маху, и Мирра действительно ему говорила, что делать этого не стоит. И вот теперь он сидел, обхватив голову руками, и со стоном раскачивался из стороны в сторону.

– Ай, ай-яй, Миррочка, солнышко моё, ну не сердись, ну прекрати ты мучиться за те тряпки. Таки виноват, каюсь, искренне каюсь, – он молящими глазами смотрел на расходившуюся жену и пафосно добавил, подняв указательный палец: – «Гнев-начало безумия»!!! – успокоившись, позёвывая Меер Моисеевич при этом другой рукой поглаживал свою лысеющую голову.

– Ой, Вей! Глянете, он и Цицерона приплёл... А, что за те тряпки, так я тебе имею сказать на это, хоть я и не Цицерон: «Жадность фраера стубила» вот-таки правда, – гнев Мирры заметно стихал и хотя она смотрела на мужа пока строго, но уже и сама не знала стоит ли продолжать спасать этот неудавшийся «заглазник» или выкинуть его и забыть.

– Давай, солнышко, я сниму этот бак и вынесу в коридор, а вечером выкину. Всё равно пропало. – Меер, как всегда, прочитал её мысли.

Вечером вынести бак Мееру Моисеевичу не удалось. Целый день в городе творилось что-то невообразимое, крики, топот проезжающих мимо эскадронов, повозок, экипажей, автомобилей, бегущие и орущие отчаявшиеся люди. Их последние надежды на возможное спасение, страх перед уже пережитым, ужас перед ещё неизведанным – всё это было устремлено к порту. Одесса, многострадальная Одесса, бывшая и под большевистскими комитетчиками, и под антантовцами, и под Радой, и под Директорией, под атаманом Григорьевым, Махно и ещё чёрт знает под кем, Одесса переживала очередную эвакуацию... Потом стали слышаться отдалённые выстрелы. Всю ночь и последующие два дня стрельба была уже такая, что никто и носа на улицу не казал. Вишневецкие перепуганные, непонимающие ничего сидели в своём подвале и молили Бога, что Меер в тот роковой день, когда всё это началось, утром принёс продукты. Семья из девяти человек могла хоть что-то есть.

Однажды ночью в дверь чёрного хода, которая была заперта всегда и задвинута столон, постучал дворник Ахмедка и шёпотом спросил, живы ли они там? Меер открыл ему дверь, и Ахмедка в своём неизменно потертом, пропахшим немытым телом тулупе, протиснувшись в узкую щель между дверью и сдвинутым столон, уселся прямо на пол. Маленькие чёрные глазки его испуганно бегали, а он постоянно теребил свою жиденькую бороденку, вернее подбородок с несколькими тонюсенькими волосиками. Он сбивчиво начал рассказывать, что уже несколько дней в порту творится что-то невообразимое. На пристанях происходили душу раздирающие сцены: плач, давка, буржуи никак не могли все поместиться на пароходы, многих людей просто

затоптали. Сам он не ел уже два дня, сегодня на улицах народу нет, все лавки закрыты и вроде бы эти самые белогвардейцы и казаки уже отплывают, потому что вот – вот в город войдут части Красной армии. Ахмедка быстро проглотил кусок пресной лепёшки, которую ему протянула Мирра, с жадностью выпил полчашки воды.

– Больше не могу, детям надо, – сказала Мирра. Тогда Ахмедка предложил Мееру пробраться по чёрному ходу на крышу и посмотреть, что делается на море. Как не протестовала Мирра, любопытство Ахмедки передалось и Мееру, с ними пошёл и старший сын Лёвка.

Порт с крыши был отлично виден, но и так было понятно, что все суда и судёнышки, иностранные и русские, все военные, и все торговые корабли с бегущей Белой гвардией, со счастливицами, кому удалось – таки вступить на «спасительный ковчег», уже вышли в море. Их длинный шлейф тянулся до самого горизонта, уходя в туманную спасительную неизвестность. На следующий день было спокойно и по тому, как жутко было спокойно, стало ясно, что в город вошли войска Красной Армии.

Меер Моисеевич со всей своей многочисленной семьёй всё же решили пока выждать, и на улицу несколько дней никто из них не выходил ни за водой, ни за продуктами, даже по нужде детей не выпускали. В квартире стоял смрад и зловоние. Наконец Мирра не выдержала и решила всё же позволить Мееру вынести вёдра с помоями и всей прочей пакостью.

Был поздний вечер начала февраля. И без того продуваемую всеми студёными морскими ветрами Одессу пронзали вдобавок ещё и дождь с мокрым снегом. Но Меер Моисеевич мужественно проделал эти хождения не один раз, пока наконец не осталось ни одного гадкого ведра, вынес и тот свой «сваренный» отрез. Потом осмелев (так как во дворе и на улице не было ни одной живой души, как ему казалось), он с полными вёдрами чистой воды решил возвратиться от колонки домой не через дверь чёрного хода, откуда выходил, а пройдя под аркой дома, ведущей со двора на улицу, войти в свой подвал с той стороны дома, которая выходила на Торговую. Надо же было хоть как-то разведать обстановку. Проходя под аркой, он чуть не споткнулся о какое-то тело. В темноте он подумал, что это должно быть какой-то мертвец и в первую минуту сильно испугался, вода выплеснулась прямо на это тело. И тело это зашевелилось. Присмотревшись, он увидел, что это ни какой не мертвец, а напротив, совершенно живой человек. Причём, не просто человек, а молодая девушка, свернувшаяся калачиком и дрожащая от испуга и от ночного холода. Она была одета в серую беличью шубку поверх форменного серого платья и белого фартука, голову её покрывал серый пуховой платок, из-под которого выглядывала белая косынка с красным крестом. Такую одежду носили сёстры милосердия, работающие в военном госпитале. Только всё это было довольно грязное, по-видимому оттого, что она просидела под этой аркой наверное не один час.

– Ой, Вэй! Милая барышня, ой, Вэй! Я вас-таки, кажется, немножечко облил, – девушка не прореагировала и не пошевелилась. Уже собираясь уйти, он всё же задумался, что-то его в этой ситуации насторожило.

– У меня до вас есть вопрос, что же вы здесь делаете одна, в такое тёмное время? – поставив вёдра, спросил сконфуженный Меер Моисеевич, – почему вы домой не идёте? Родители – таки, наверное, уже заждались? Извините, конечно, но я интересуюсь это знать, потому что я имею вам сказать, мы вас проводим с сыном, – и он растерявшись, громко во весь голос крикнул Лёвку так, что забыл о всякой осторожности. На его крик выскочила Мирра, прикрывая грудь шалью, следом выбежал встревоженный Лёвка.

– Боже ж мой! Меер, что случилось, зачем ты так кричишь? – тут Мирра увидела девушку.

– Это ещё что такое? – спросила она, пытаясь в темноте разглядеть, скорчившуюся от холода, фигуру, – Вы кто, барышня? Я имею интерес, почему вы в такой час сидите в чужой подворотне? Вас кто-то обидел? Таки где вы живёте? – и поскольку девушка не произнесла ни единого слова, Мирра Ильинична вопросительно взглянула на мужа.

– Меер, я имею тебе сказать, она наверно глухая. И что теперь нам делать, что делать? Ты, что тоже оглох? Почему ты молчишь? Я – таки хочу знать, что тут происходит? – Мирра наклонилась ниже, пытаясь рассмотреть девушку, и легонько тронула её за плечо. – Оставьте, пожалуйста, – наконец произнесла девушка. Голос был тихий, отрешенно спокойный, с интонацией полнейшей обречённости и безразличия ко всей этой суете. У Мирры сердце сжалось от жалости к этому несчастному созданию.

– А идти? У меня нет дома... теперь. Прошу вас не беспокойтесь, оставьте меня, я тут посижу ещё. Господи, лучше бы мне умереть! – прошептала девушка.

– Ну вот ещё чего! Ты слышишь, Меер, она собралась тут под нашими окнами ещё и умереть! – возмущённо, и, как сама думала, строго сказала Мирра Ильинична.

– Нам только этого не хватало, – и уже совсем тише, участливо спросила, – сдаётся мне, что вы – сестра милосердия? Я правильно думаю? – та молча кивнула. Мирра немного прищурилась, как бы что-то соображая, – Ладно, уже совсем ночь. Куда вам теперь идти? Это верно-таки некуда... Меер, я имею сказать, что ничего страшного не произойдёт, если мы рискнём предложить ей побыть до утра у нас? Что ты думаешь за это? Мы что звери какие, чтобы человека на улице оставить в такое время? Ну, что ты всё молчишь, таки можно хоть что-то ответить жене, или может ты имеешь возразить мне?

– Да, что же, золотце моё, тут возражать, когда ты всё говоришь правильно, а главное всё сама решила, рыба моя! – закивал он в ответ.

– Барышня, вы можете побыть у нас до утра, – с интонацией некоторой гордости объявила она девушке.

– Лёвка, Меер, помогите ей встать, она видно совсем ослабла. Девушка, попыталась встать сама, но ей пришлось всё же прибегнуть к помощи Меера и Лёвки. Когда опираясь на их руки с обеих сторон, она сделала несколько шагов, взглянув намётанным глазом, Мирра воскликнула, зажав сразу же рот руками: "Боже ж мой, да она же ж ещё и в интересном положении, и похоже ж уже давно... Ну вот это – таки и есть тихое еврейское счастье, как говорила моя покойная бабушка Двойра, мир праху её."

Глава 2

Анечка Воронцова происходила из дворянской семьи, её далёким, хоть и косвенным предком по отцовской линии, был новороссийский и бессарабский генерал-губернатор светлейший князь Михаил Семёнович Воронцов. Семья до войны жила в Санкт-Петербурге, там Аня окончила Смольные Женские курсы, она прекрасно говорила по-английски, по-французски, прилично владела машинописью и стенографией. Её отец, князь Ипполит Андреевич Воронцов, служил верой и правдой Царю и Отечеству, он был боевой морской офицер в чине капитана второго ранга, удостоенный множеством великодержавных наград. В Санкт-Петербурге у Воронцовых был большой особняк на Невском проспекте, где Анечка провела всё своё счастливое и благополучное детство с мамой Екатериной Васильевной и бабушкой Анной Петровной. В начале 1917 года отца внезапно перевели со службы на Балтийском море в распоряжение командования Черноморского флота и они всей семьёй покинув родной город переехали в Одессу.

В Одессе родственников близких не было. Семья временно поселилась в большой съёмной квартире, окна которой выходили на Николаевский бульвар. В Одессе Анечке всё нравилось и она, даже не имея в этом городе близких подружек, не скучала. Отца постоянно дома не бывало, так как он сразу же по прибытии принял командование большим флагманским крейсером «Георгий Победоносец». Мать и бабушка были заняты подыскиванием через новых знакомых какого-нибудь приличного загородного дома, потому что летом в пыльной Одессе для непривыкших к жаре северян было слишком душно, особенно страдала бабушка. Но внезапно события в стране стали столь стремительно развиваться, что ни о каких удобствах и перемене жилья никто и думать не мог. Было просто не до того. Правда, надежда, что скоро вся смута кончится, ещё почему-то оставалась твёрдой. Но «смута» не кончалась, волнения продолжались и в порту, и на заводах, и, особенно, на кораблях. В городе объявились красные комиссары, которые прямо на улицах объясняли, что власть теперь в Одессе принадлежит рабочим и крестьянам. Город трепетал от ужаса, что в любой момент к любому жителю могут войти с проверкой на благонадёжность, участились доносы и аресты. Слава Богу, это продолжалось недолго. Красные вынуждены были оставить город, в который вступили австро-венгерские оккупационные войска. Начался первый этап интервенции южного, разноплеменного, свободного российского порта. Так продолжалось пока город опять не заняла вновь образовавшаяся добровольческая или Белая Гвардия под началом генерала Деникина, на которую возлагались большие надежды.

Но спокойствие от этой, казалось надёжной охраны, было каким-то призрачным, отец был недоволен, суров и на лишние вопросы предпочитал не отвечать. Ипполит Андреевич неделями отсутствовал, на кораблях постоянно происходили волнения, да и в городе то взрывались какие-то склады, то ночами недовольные личности, которые гордо именовали себя террористами-революционерами, били витрины продовольственных магазинов. Спокойно пройти по улицам можно было, пожалуй, только ясным днём. Неожиданно зимой 1919 года умерла сраженная инфлюэнцей Екатерина Васильевна, через месяц бабушку разбил паралич и пролежав в беспомощности неделю этот мир покинула и она. Ипполит Андреевич почернел от горя, но вынужден был оставить одну так внезапно осиротевшую дочь и выполнять свой долг службы, его практически не бывало дома. Однажды он пришёл и сообщил, что «Георгий Победоносец» должен срочно и на неопределённое время идти в Севастополь.

– Аннушка, девочка моя, тебе придётся остаться в Одессе. Мне очень больно тебя покидать. Но жизнь такова, что когда-то приходится становиться взрослой. Наверное, самое правильное тебе устроится работать в Госпиталь, там и с едой проблем не будет, и я не буду так волноваться, люди тебя будут окружать интеллигентные, я уже поговорил с Главным врачом

полковником Раевским Иваном Николаевичем. Ты завтра же к нему с утра и направляйся, он всё уладит. Конечно, первое время будет тяжеловато, но ты ведь дочь морского офицера. Я верю, родная моя, ты справишься, ты у нас такая умница. Мама бы одобрила такое решение.

Аня видела, что отец с огромным трудом сдерживает себя, что в печальных глазах его уже вот-вот заблестят слёзы. Она бросилась к нему, с нежностью провела руками по его русым с проседью волосам, заглянула в родные ласковые глаза, уткнулась в грудь, ей хотелось последний раз вдохнуть этот такой знакомый до боли в сердце запах, запах единственно близкого ей человека, её отца, самого благородного и самого мужественного, самого нежного и самого верного в этом порушенном мире. Сердце её разрывалось, она остро почувствовала, что больше его никогда не увидит.

Утром следующего дня Аня пошла в Военный Госпиталь, без особого труда отыскала полковника Раевского, который очень тепло её принял, и устроилась работать сестрой милосердия, как многие молодые женщины и девицы дворянского сословия, чтобы помогать раненым солдатам и офицерам воюющей Белой Армии с упорно наступающей Красной Армией. Поначалу Анечке Воронцовой было очень трудно видеть окровавленные бинты, слышать стоны раненных, она стеснялась подавать молодым мужчинам утки, выносить за ними смрадные судна, но потом, уж так устроена человеческая натура, она привыкла ко всему и работу свою выполняла с искренним чувством патриотического долга. Часто приходилось дежурить ночами. Она уставала, не досыпала и, когда совсем не было сил возвращаться домой, то и кема-рила прямо под главной лестницей на небольшом диванчике.

С квартиры на Николаевском бульваре ей пришлось съехать. Хозяева, семья домовладельца грека Андропулоса, собравшись внезапно, покинула Одессу, сев на отплывающий в Стамбул пароход. Анечка сняла угол у одинокой глухой старушки неподалёку от Госпиталя. Подругами она так и не обзавелась, как – то замкнулась в себе, и после так резко поменявшейся жизни, ей не хотелось никого пускать в свою теперешнюю, такую однообразно – тусклую. От отца долго не было никаких известий. Где он, что с ним Анечка могла только предполагать по слухам, исходящим от вновь прибывающих раненых офицеров: то о том, что по приказу ген. Шиллинга весь Черноморский флот остаётся в Севастополе для защиты и возможной эвакуации Крыма, то, что какая-то часть флота якобы пошла в Батум.

В конце июля в один из очень редко выпадавших выходных дней Анечка шла по Николаевскому бульвару. Когда проходила мимо такого знакомого серого, каменного дома с красивой лепниной по фасаду, в котором они жили ещё совсем недавно, и посмотрела на безжизненные окна их бывшей квартиры, в груди защемило от нахлынувших чувств невозвратного. По бульвару прогуливались по большей части крикливо разряженные барышни, многие с молодыми офицерами; слышалась французская, английская, румынская, ещё какая-то речь, обрывки светских разговоров мешались с откровенно похабными, вульгарными до непристойности. Ей стало до противного скучно и она пересекла площадь с памятником Дюку Ришелье, потом свернула по направлению к Воронцовскому переулку. Выйдя на тихий переулок с таким родным названием, ей стало как-то спокойнее, как будто здесь её защищало что-то своё, нетро-нутое, семейно-интимное. Ей казалось, что только этот маленький островок в шумной агонизирующей Одессе способен защитить её, совсем одинокую песчинку Воронцовского рода, ангельским крылом своего далёкого предка.

Впереди, на противоположной стороне переулка, Анечка увидела молодого офицера в форме союзнических войск, он о чём-то разговаривал, низко наклонившись к маленькой пожилой женщине. Старушка была в чепце, в капоте, в накиннутой на плечи кружевной мантилье, то есть одета явно по-домашнему. Офицер что-то тщетно пытался ей объяснить, но у него, это видно плохо получалось, так как старушка уже всхлипывала, куда-то показывая, и качала трясущейся головой. Заметив Анечку, офицер, перебежав мостовую, смущаясь обратился к ней по-французски: – Мадемуазель, прошу меня извинить, но эта пожилая мадам, кажется, заблу-

дилась. Она не знает, куда ей надо идти, а я очень плохо понимаю по-русски, тем более не умею читать, не могли бы Вы помочь? – и он подвёл Анечку к оставленной им на минуту старушке. Пожилая женщина с мольбой и надеждой в слезящихся глазах протянула небольшой листочек бумаги, на котором корявыми буквами с ошибками было написано имя потерявшейся «баронесса Мария Алексеевна Штаберг» и адрес на русском языке.

– Да, мсье, конечно, я помогу мадам, здесь всё понятно. Иногда так делают... То есть у неё, очевидно, бывают провалы памяти. И это скорее всего случилось с ней не в первый раз. Вот родственники и подстраховались таким образом, – ответила Анечка офицеру, который смотрел на неё с явным вниманием, но странно – её это несколько не смутило.

– Мария Алексеевна, пойдёмте, здесь недалеко, Вы рядом с домом, успокойтесь, сударыня, обопритесь на меня, пожалуйста, – и она заботливо повела старушку по направлению к её дому.

– Вы позволите, мадемуазель, я вас обеих провожу? – офицер подставил руку старушке с другой стороны.

– Ну конечно, конечно, он такой милый, такой внимательный, – Мария Алексеевна ласково и благодарно посмотрела на него, а потом вопросительно на Анечку. Та промолчала.

– Ах! Прошу прощения, я не представился, – он вытянулся и, шёлкнув каблуками, поднёс руку к козырьку круглой фуражки, – капитан Французской Армии Виктор Анри де Маришар к вашим услугам.

– Анна Ипполитовна Воронцова, – чуть наклонив голову, произнесла Анечка, чувствуя, как лицо её постепенно заливается краской. Она была взволнована, такое с ней происходило впервые. Когда он только подошёл к ней и начал объяснять ситуацию, она, увидев его глубокие, тёмные как омут глаза, поняла, что влюбилась вот так сразу, навсегда, на всю жизнь. Сердце её бешено колотилось.

– Воронцова? А князь Ипполит Андреевич Воронцов, капитан второго ранга кем Вам доводится, милая? – оживившись, осведомилась Мария Алексеевна, – Уж не родственник ли?

– Ипполит Андреевич мой родной отец, многоуважаемая Мария Алексеевна, – ответила с улыбкой Анечка.

– Ах, милая моя, как это чудесно, как необыкновенно! Я знавала вашего батюшку ещё по Петербургу, где они вместе с моим старшим сыном Николаем Николаевичем, царствие ему небесное, учились, – глаза Марии Алексеевны подёрнулись слёзной дымкой. – А мой младший сын, капитан третьего ранга барон Юрий Николаевич фон Штауберг служит под началом вашего батюшки, на крейсере «Георгий Победоносец». И Ваш батюшка неоднократно бывал у нас. Да, я прекрасно его помню, прекрасно... Жаль только, что с вашей матушкой мы так и не успели познакомиться... Я всё знаю, всё знаю, бедная моя девочка. Царствие ей небесное...

Ошеломлённая таким неожиданным совпадением и осведомлённостью о своей семье, Анечка так обрадовалась, как будто встретила в этом затерянном мире родного и очень ей близкого человека. На глаза обеих навернулись слёзы и Анечка стала целовать старческие, морщинистые руки баронессы. Та гладила её по голове, а потом обняла, и они троекратно расцеловались. Обрадованные обе такой счастливой случайностью, они забыли о присутствии капитана Маришара, и он, плохо понимая русскую речь, молча стоял в смущении, боясь своим присутствием как-то помешать их разговору. Но наконец, уже ясно соображающая баронесса, спохватилась:

– Ах, как неловко вышло, мы так увлеклись, мсье Маришар, что не учли ваше слабое знание русского, – баронесса, обращаясь к Виктору опять перешла на французский. – Ну так сейчас мы эту нашу оплошность исправим. Если Вы, милая Анна Ипполитовна и Вы, мсье Маришар, не возражаете, то уж доведите меня, беспамятную и причинившую вам столько хлопот, до квартиры, это на втором этаже, я уже отлично ориентируюсь. А там, прошу покорно, уж не побрезгуйте попить чайку со старой, навязавшейся на вашу голову баронессой фон Штау-

берг, – и Мария Алексеевна церемонно и немного кокетливо наклонила свою седую голову в ночном кружевном чепце. Конечно, и Анечка, и капитан Маришар тут же согласились. Они медленно поднялись на второй этаж большого каменного дома, подъезд которого окаймляли высокие монолитные атланты, а на тяжёлой дубовой двери ручкой служило бронзовое кольцо зажатое в пасти льва.

Дверь открыла горничная Лизавета, миловидная, худенькая девушка в кружевном, белоснежном переднике с такой же белоснежной наколкой на светловолосой головке, перепуганная и обрадованная.

– Боже святой, барыня Мария Алексеевна, слава тебе Господи, Вы нашлись! Мы уж и не знали, где вас искать? Это Глашка снова дверь забыла закрыть, я её уж ругала, ругала, бестолковая девка! Одни матросы у неё на уме, прости Господи, опять видно какой-то к ней приходил! Ужо барин Юрий Николаевич приедет, я ему всё расскажу, уж он ей всыплет! – приговаривала она, помогая войти хозяйке.

– Уймись, Лизавета, не видишь у нас гости? Поди на стол собери, самовар поставь, – строгим, но спокойным голосом приказала Мария Алексеевна, – с Глафирой я сама разберусь, а Юрия Николаевича беспокоить не смей всякими пустяками! – и ласково добавила, – это ты молодец, что записочку мне сунула в капот, плоха я стала – это верно. – Пойдёмте в гостиную, – и без всякого перехода добавила, – дождусь ли, голубя моего, четыре месяца известий никаких... Этот один, самый младший в живых остался, а мужа и троих сыновей, царствие им небесное, схоронить довелось без времени. Может, хоть Юрочку Господь убержёт...

Пока Мария Алексеевна под присмотром Лизаветы прошла в другую комнату, чтобы привести себя в надлежащий вид, гости расположились в гостиной- большой уютной комнате в синих тонах, тяжёлые бархатные шторы ниспадали до самого пола, немного громоздкая хрустальная люстра с восемью бронзовыми амурчиками по её круглому периметру низко висела над большим овальным столом. Мебели было не так много, но вся добротна выполненная, резная, довольно изящная из карельской берёзы превосходного качества.

Виктор молча стоял у окна и всё смотрел, и смотрел на Анечку, но при этом ничего не говорил. Этим своим молчанием он немного обескураживал юную девушку. Неловкость ситуации вскоре благополучно разрешилась: появилась сама хозяйка дома, от её прежнего вида не осталось и следа, она теперь выглядела совершенно здоровой. Глаза её излучали радость и доброту, которая особенно присуща немолодым, но непременно много пережившим, обладающим даром сострадания ближнему, мудрым женщинам. Лизавета проворно накрыла на стол, постелив крахмальную кремовую скатерть, разложив пёстрый китайский сервиз. Затем принесла из кухни небольшой, начищенный до блеска самовар, печенья, сушки и немного, оставшихся каким-то чудом от прежних благополучных времён, шоколадных конфет.

Анечка и капитан Маришар довольно долго чаёвничали у баронессы. Лизавета с улыбкой на миловидном личике старалась изо всех сил угодить и гостям, и барыне, видно было, что она очень обрадована тем, что с Марией Алексеевной ничего дурного не произошло.

– Позвольте Вам заметить, любезная баронесса, у Вас очень милая и заботливая горничная, – допивая уже третью чашку чая, произнёс Виктор, когда Лизавета вышла из гостиной.

– О да! Нам с ней повезло, она не просто услужливая и работающая, эта девочка постоянно тянется к знаниям, она частенько спрашивает у меня позволения, что-нибудь почитать. И не просто так, какой –нибудь романчик, а спрашивает какого именно писателя лучше прочесть, что в первую очередь полезнее ей будет... Умница девочка, даром, что из простых... Ни то, что наша кухарка Глафира, ленива до самозабвения, а уж завистлива! Так бы, кажется, с меня последнее платье и содрала, – засмеялась Мария Алексеевна. – Александр Сергеевич, царствие ему небесное, вот кто в людских душах знаток был, его «Сказка о рыбаке и рыбке» – величайшее произведение, величайшее! Жадность да зависть самые наигнуснейшие из всех человеческих пороков, всё зло в мире от них... – Мария Алексеевна тяжело вздохнула и продолжила, –

вот ведь и то, что сейчас происходит, война эта, переворот или революция, как модно называть, всё от жадности, всё от зависти, всё от этого. Ну отберут они, то есть бедные, у нас, у богатых, всё ценное, и земли, и дома, и заводы, я уж о произведениях искусства не говорю. И что? Что дальше то? Что делать – то они со всем этим будут? Проедут, пропьют, только- то... «Влияние привычки гораздо обширнее владычества природы» – так подметил ещё гениальный Вольтер... Ведь управлять всем этим надобно! Знания нужны не сиюминутные, а вековые!! Да ещё потом такие вот глашки да стёпки передерутся между собой- кому больше достанется, да не приведи Господи, и убивать друг друга же и примутся, и останутся опять «у разбитого корыта». Ну пусть не завтра, не через десять лет, но ведь всё равно же когда-то останутся, потому что старое-то разрушить куда как просто, а построить новое ох, как тяжело. А такие совестливые да работающие, как Лизавета, такие как были ни с чем так и будут! Ой, да что это я вам, молодым, такие тут философии старческие развела, скучищу нагнала, поди устали уж от меня? – лукаво улыбнулась Мария Алексеевна, чуть наклонив набок голову.

– Нет, нет. Что Вы! всё это очень – очень справедливо. Ведь и у нас тоже была Революция, страшная, кровавая. Столько жертв ненужных, столько несправедливости! А потом, действительно, тот, кто больше всех ратовал за равенство, за равноправие, тот потом сам же и нагребил больше. Вы очень даже правы, уважаемая баронесса, когда говорите, что во многом причиной таких событий является обыкновенная зависть к богатству, желание обладать им. И всё это происходит под благовидными целями всех бедных осчастливить, а в понимании бедных счастье заключается, прежде всего в богатстве. Но все не могут быть богатыми хотя бы в силу того, что способности и таланты, и усердие у каждого человека индивидуальны, – с жаром поддержал Виктор.

– А свобода, как же свобода личности? Я читала ещё в Петербурге одну прокламацию, – вступила в разговор, до этой минуты молчаливо и внимательно слушавшая их, Анечка. От волнения краска прилила к её щекам. Виктор невольно залюбовался ею и его сразу меньше стали интересовать мировые проблемы. "Матерь божья! Какая прелесть эта девушка! Какое чудо!" – подумалось ему.

– Ведь эти большевики, они не только из-за передела собственности затеяли революцию, но и во имя свободы человека, чтобы сбросить оковы зависимости, чтобы каждый мог жить, как ему хочется! – добавила уже совсем осмелев, Анечка.

– Девочка моя, да ведь это чистой воды анархия «жить как ему хочется»! А что до свободы, моя дорогая, прелестная Анна Ипполитовна, то нет её и быть не может вовсе! – твёрдо сказала Мария Алексеевна.

– Я Вас не понимаю, баронесса, как это «быть не может»? Человек должен быть свободен, это ведь так очевидно! Прошу покорно простить, – Виктор недоуменно повёл плечами.

– Да прощаю, дорогой Виктор, прощаю. Но всё же поясню. Человек как только родился уже не свободен, зависим уже, от матери своей зависим, кушать-то ему надо! Ну-ка те, где здесь свобода? А старый, больной, хоть и умный, вот как я, например, – рассмеялась Мария Алексеевна, – полностью зависима и от Лизаветы, и от Глашки, да и от вас сподобилась сегодня в зависимость впасть: Слава тебе Господи, что до дому довели. Свобода – это понятие внутреннее, нравственное и бороться за неё можно только самому с собой... Полноте, серьёзности на сегодня предостаточно. Как вам наша Одесса, капитан, понравился город? Вы в Опере успели побывать, там кажется, сейчас какая-то заезжая итальянская дива Иоланту неплохо исполняет, – Мария Алексеевна непринуждённо перевела разговор в другое, более спокойное и привычное для неё русло. Гостиная наполнилась именами Верди, Чайковского, Адана, Мариуса Петипа, Анны Павловой, Бодлера, Льва Толстого, Дюма, Бальзака и всех тех, кто составлял великую плеяду мировой культуры, всех тех, о ком подслушивающая за дверью Глашка не имела ни малейшего представления ни сейчас и ни после, то есть тогда, когда, как ей было

обещано, предстояло «управлять государством». Позевывая она пошла на кухню догрызать так любимые ею семечки...

А им троим было хорошо, интересно и приятно беседовать. У них много было воспоминаний о счастливой, светской, благополучной жизни в прошлом. А сегодня их объединяло одно: молодую девушку, офицера-француза и престарелую женщину – они были ОДИНОКИ в этом большом беспокойном океане жизни и завтра их ждала полная неизвестность...

Провожая гостей, Мария Алексеевна взяла с них обещание, что они обязательно будут её навещать, и Анечка, и Виктор со всей искренностью уверили её, что так оно и будет.

Глава 3

Ах, Одесса! Она ничего не хотела знать, ничего не собиралась понимать, её ничего не касалось. Она торговала, гуляла, целовалась, смеялась, говоря всему миру дерзко и нагло: "Россия и Одесса – это две большие разницы! Тю! Какая там революция, какие ещё Советы? Одесса имеет сказать, что сама может дать тысячу советов кому и как жить!"

И она жила, жила полнокровной, бурлящей жизнью, бесшабашной, разноплеменной, отчаянной, воровской, любвеобильной, на всё плюющей жизнью. Николаевский бульвар степенно прогуливался, изображая изысканные светские манеры культурного европейского города. Дерибассовскую наполняли деловые коммерсанты, влюблённые парочки, разодетые матроны семейств с кучей малолетних пухленьких, беззаботных отпрысков. Из открытых окон кафе и ресторанов звучала разухабистая еврейско- украинско- румынско- цыганская музыка!! Одесса жила одним днём! Одним летним жарким днём девятнадцатого года...

Виктор предложил Анечке взять его под руку и, если у неё есть такое желание, прогуляться к Ротонде, куда он собственно и направлялся пока не встретил баронессу. Анечка с радостью согласилась, смеясь сообщив ему, что она именно к Ротонде и направлялась. Вечер был восхитительный и, когда они подошли к Ротонде, солнце, обагрив своим прощальным сиянием всё вокруг, уже садилось в огромную серую тучу в изнеможении повисшую над морем. Свежий морской ветер ласково трепал светлые завитки волос Анечки, непослушно выбивающиеся из- под шляпки, оставлял солоноватый привкус на губах. Она стояла в своём лёгком, воздушном, голубом платье и походила на маленькое облачко, нечаянно спустившееся на землю. Виктор залюбовался глядя на эту необыкновенную девушку, о существовании которой он ещё утром даже и не подозревал.

– Мадемуазель Аннет, а ведь она, наверное, настоящая фея, добрая фея из сказки, Вам так не кажется?

– Вы про баронессу? – переведя взгляд на него спросила Анечка, – Да, я тоже так думаю, во всяком случае она необыкновенная, чудесная... и очень мудрая женщина.

– Может быть, она специально так всё подстроила, чтобы мы встретились с вами? – задумчиво произнёс он и нежно взял её руку, – Вы не обиделись на меня? – Анечка промолчала, но руки не отняла,

– Может быть так и случается в настоящих сказках? Кстати, мне очень неловко, но там, у баронессы, я постеснялся своей неосведомлённости. Я ведь знаю о вашем Пушкине только то, что он погиб на дуэли с Дантесом, приёмным сыном посланника Геккерена, и всё. Во Франции об этом никто толком ничего не знает... Расскажите мне, пожалуйста, о вашем поэте. Я и сказку- то эту про рыбака и рыбку не знаю, не читал, – смущённо признался Виктор. Анечка была немало удивлена и с огромным чувством стала просвещать своего столь «необразованного» кавалера. Какие-то стихотворения и отрывки из "Евгения Онегина" она прочла ему по- французски, что-то пересказала своими словами. Виктор то и дело восклицал: "О, это шедевр! О, это гениально"! Он был просто ошеломлён блестящими знаниями и великолепной памятью этой необыкновенной девушки, открывшей ему столь прекрасный мир великого русского поэта, поэта, которого убил его соотечественник. В какое-то мгновение ему даже стало стыдно, что это совершил его соплеменник. Ведь кичливые французы всегда считали себя самой одарённой нацией в литературе. Да, он понял, что Россия это страна величайшей культуры. Совсем не так он представлял её до того, как прибыл сюда. И эту Россию открыла ему самая изумительная, самая прекрасная девушка на всём белом свете.

– То, что я встретил Вас, мадемуазель Аннет, это просто чудо, сказочное, дивное чудо! Вы такая необыкновенная, такая... Вы просто Муза! О, если бы я был поэтом! Вашим поэтом Пушкиным, – и он поцеловал её руку.

– Ну, какая я Муза, тем более Пушкина, – засмеялась Анечка, – Уж скорее Музой молодого Пушкина можно считать князя Михаила Семёновича Воронцова, двоюродного брата моего прадедушки, который был в то время генерал – губернатором Одессы. Для города князь сделал немало, вот и Французский бульвар, и памятник де Ришелье, и Потёмкинская лестница. И ещё много – много чего менее поэтического, но более практически полезного.

– Я Вас не понимаю, – недоуменно воскликнул Виктор. Анечка пояснила:

– Видите ли, дело в том, что Александр Сергеевич одно время находился здесь можно сказать в изгнании, ну и отношения с моим далёким предком у него вероятно не сложились. И вот Пушкин, будучи очень порядочным и ранимым человеком, как мог так и противостоял всяческим притеснениям и нападкам, то есть писал на князя едкие, колкие но, уж и не знаю, справедливые ли, эпиграммы. – и переведа дух, она продолжила:

– Вот, например:

"Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец."

Виктор откровенно расхохотался.

– Но таков был Пушкин, гению многое позволено, – Анечка улыбнулась.

– Ну тогда, с вашего позволения, я буду считать, что Воронцовский переулок назван в вашу честь! Вы согласны? – Виктор продолжал шутливый тон разговора. Вдруг Анечка резко повернулась лицом к морю. Внезапный порыв ветра сорвал с её головы шляпку, растрепал светлые волнистые волосы, казалось, она даже не заметила этого, стояла неподвижно, как натянутая струна, вся обращённая к ветру, к морю... Виктор растерянно стал извиняться, он решил, что чем-то обидел её. Она всё молчала, потом с едва скрываемым волнением произнесла.

– Мой отец... я не знаю, где он теперь, когда мы увидимся... я так скучаю, у меня кроме него никого нет.

Они долго стояли молча, оба смотрели на море, на его всегда волнующую, завораживающую стихию. Потом он, как бы в раздумье, тихо произнёс:

– Дорогая мадемуазель Аннет, я понимаю, я очень Вас понимаю... Поверьте, всё будет хорошо, надо верить, – потом добавил, – у меня во Франции тоже осталась одна маман. Я тоже не знаю, увижу ли её когда-нибудь... Но надо верить. Это трудно, но обязательно надо верить...

О, этот волшебный воздух июльской Одессы! Пропитанный терпкой солоноватостью моря, вскипающего от лучей беспощадного летнего солнца. Этот воздух, пропитанный сладковатым, дурманящим ароматом где-то ещё не отцветшей акации и степных трав, запахом раскалённой за день брусчатки... Они ещё долго прогуливались среди белых колонн Ротонды, почти не касаясь друг друга, но ощущая всё нарастающую между ними близость каждой клеточкой своих молодых, полных нерастраченных чувств души и томления, тел. Потом, когда погас последний солнечный лучик и светлый вечер стремительно стал превращаться в тёмную южную ночь, они медленно пошли по улицам пустеющего города. Он проводил её до самого дома, они оба ни секунды не сомневались, что теперь уже не расстанутся никогда.

Анечка не спала всю ночь. События минувшего дня так внезапно, так резко перевернули её мир до этого такой грустный и одинокий, особенно после отъезда отца, что она не могла не понимать, что жизнь входит в какое-то новое, доселе неведомое ей измерение, её охватывали смутные предчувствия и волнения то радости, то тревоги, то страха, то восторга. Душа то поднималась в чудесные дали, то трепетала от необъяснимого томления и ощущения, что этот день изменил всё в её жизни.

Так оно и случилось. Они виделись с Виктором почти ежедневно, раненых пока было немного и работой Иван Николаевич её особенно не нагружал, сестёр более опытных было предостаточно. Каждая патриотически настроенная дворянская женщина хотела внести свой вклад в победу над нависшей большевистской угрозой, помочь своим братьям и мужьям в это нелёгкое время. Их встречи стали такой неотъемлемой частью жизни, что теперь ни Анечка, ни Виктор не представляли, что всего этого с ними могло и не случиться вовсе.

Однажды душным августовским вечером, возвращаясь от Марии Алексеевны, они медленно шли по изнурённым дневным жаром, тихим улочкам засыпающего города. Внезапно с моря подул долгожданный спасительный прохладный ветерок, а затем обрушился невероятной силы ливень и разверзшиеся хляби небесные словно насмехались и забавлялись своим могуществом извергая всё новые и новые потоки воды. До Анечкиного дома оставался один квартал, они бежали и смеялись, бесполезно пытаясь хоть как-то укрыться под кронами каштанов, но усилия их были совершенно напрасны. Подбежав к дому, обнаружили, что оба промокли до нитки. И тогда, без какой-либо боязни или доли сомнения, Анечка взяв его за руку ввела в свое убогое временное пристанище и тихо спросила: "Вы останетесь? Надо же как-то вам обсохнуть, сейчас я чай согрею... Вы можете простудиться... оставайтесь... я этого очень хочу." Она сказала это так естественно, так трогательно, что он невольно улыбнулся и это смутило её. Он нежно обнял её худенькие, угловатые плечи, притянул к себе, их взгляды встретились и в это мгновение для них всё перестало существовать: и залитая весёлым летним дождём Одесса, и огромная, измученная, растерзанная, истекающая кровью Россия, и далёкая маленькая, уютная Франция, и всё-всё земное, суестьющееся, бурлящее. И осталась одна, только одна реальность – это бескрайняя, бесконечная, всепоглощающая Вселенная, такая древняя и каждый раз такая новая, давным-давно познанная и совсем ещё неизведанная, Вселенная с таким обыкновенным и таким божественным названием – Любовь. Он остался, и фантастический день перешёл в самую фантастическую и прекрасную ночь в её и его жизни. Ранним утром, они условились, что как только у Анечки выдастся выходной, они навестят свою фею-баронессу фон Штауберг. Не посвящая её, они отметят свою помолвку, потому что считали Марию Алексеевну виновницей их знакомства и залогом их счастья.

С этой самой минуты жизнь Анечки приобрела какой-то новый для неё незнакомый и чарующий смысл. Она постоянно вспоминала его нежный, мягкий, словно обволакивающий всё её хрупкое тело, взгляд, взгляд этих тёмно-вишнёвых глаз, его плавную, немного грассирующую речь, его красивую, подтянутую фигуру в военной форме, которая ему очень шла. Что бы она не делала, с кем бы не разговаривала, мысли её были только о нём и она с нетерпением отсчитывала дни до следующего своего свободного дня. Но случались эти выходные дни теперь крайне редко. Они могли проводить вместе хотя бы полдня не чаще, чем раз в две недели. В госпитале теперь было очень много работы, не хватало медперсонала, раненые всё прибывали и прибывали. У него было больше возможности отлучаться, им почти регулярно давали увольнительные, отпускали в город и тогда он просто дежурил рядом с госпиталем, где она работала, чтобы хоть на минуточку увидеться с ней, подержать её ручку, протянутую между прутьями высокой металлической ограды госпиталя, окунуться в это бездонное море её серо-зеленых глаз, нежно смотрящих на него из-под белой косынки с красным крестом, низко почти до изгиба тёмных бровей, закрывающей её чистый девичий лоб. Когда всё же удавался целый выходной день, первым делом они направлялись в Воронцовский переулок к баронессе фон Штауберг, помня своё обещание её навещать и просто соскучившись по доброму домашнему очагу.

Всегда приветливая Лиза первым делом, помогая раздеваться в прихожей, шепотом докладывала, как самочувствие барыни, сколько раз за прошедшее время она опять пыталась уходить из дома и как она, Лизавета, тщательно следит за баронессой, почти не спит по ночам. Сетовала на бестолковую Глашку. Глашка, действительно, производила впечатление довольно-

таки туповатой девицы, она была крупная, розовощёкая, не очень опрятная, и когда Анечка приходила с Виктором, маленькие поросёчки глазки Глафиры излучали столько потаённой ненависти и злости, что становилось не по себе.

Однажды в конце ноября, Анечка, условившись встретиться с Виктором в доме у баронессы, сама пришла пораньше. Баронесса была, как всегда несказанно рада видеть свою новую молодую знакомую. Мария Алексеевна, одетая в чёрное, строгое платье с неизменным белым кружевным воротничком, с гладко причёсанными, седыми волосами, выглядела на этот раз совсем ещё не старой. Ей и впрямь было чуть больше шестидесяти, просто горечь утраты бесконечно близких, родных людей, постоянное волнение за единственного, оставшегося пока в живых, младшего сына, вестей от которого она давно не получала, сильно повлияли на её здоровье, и эти иногда случающиеся с ней приступы потери памяти всего лишь создавали впечатление выжившей из ума старухи.

На самом деле, Мария Алексеевна фон Штауберг была не просто умной, но по-житейски мудрой, а самое главное, бесконечно доброй женщиной. Анечка это сразу почувствовала, потому и решилась на этот непростой разговор. Она рассказала, казалось, очень внимательно слушающей её баронессе, о своём всепоглощающем чувстве к Виктору, об их незаконной близости и о том, что у неё будет от него ребёнок. Рассказала, что Виктор уже не один раз подавал своему командованию прошение о возможности официально узаконить их брак, обвенчаться. Но неизменно получал отрицательный ответ, так как вступать в брак с иностранными гражданками им, офицерам французской армии, было строжайше запрещено; кроме того, венчание невозможно из-за различия в вероисповедании: Виктор был католиком, а она – православная.

– Вот теперь, когда Вы всё знаете, дорогая Мария Алексеевна, Вы в полном праве меня презирать, считать падшей женщиной, осрамившей имя своего уважаемого батюшки, Ипполита Андреевича. Отказать нам с Виктором в вашей дружбе и... Простите меня, если это возможно! – всё это Анечка говорила, сильно волнуясь и смущаясь. На лице Марии Алексеевны не дрогнул ни единый мускул, глаза её не расширились от внезапного возмущения или просто удивления, она совершенно спокойно смотрела перед собой, и от этого спокойствия Анечке вдруг показалось, что та просто думает о чём-то своём, абсолютно не вникая в смысл того, что только что ей поведала растерянная и расстроенная девушка.

Мысли Марии Алексеевны, действительно, были теперь уже о совершенно другом. Нет, она всё слышала, что рассказала ей Анечка. Она и сама давно обо всём или почти обо всём догадывалась. И ей безумно было жаль эту чудесную, так рано осиротевшую девочку, которая пришла к ней, малознакомой пожилой женщине и так откровенно и просто обо всём поведала. Да, она пришла к ней, потому что у неё не было матери, не было бабушки... И отца рядом тоже не оказалось в такой непростой для неё момент. Пришла, не зная, что ей теперь со всем этим делать. А что же может, что же должна ответить на все вопросы этих лучистых, открытых для счастья и любви глаз, устремлённых на неё, стареющую и постепенно угасающую, с приступами раннего «старческого маразма», что может она, баронесса фон Штауберг, ответить этому полуребёнку, годящемуся ей во внучки? Она, которая в одночасье овдовела, потеряв красавца-мужа и самого первого, любимого сына Николеньку, это случилось в 1905 году, когда оба они, морские офицеры, погибли в сражении при Цусиме. Потом, в 1907-ом при родах умерла, вместе с так и нерождённым внуком, невестка, жена сына Алексея, единственного женатого из её сыновей. Сам он погиб в первый год той страшной Мировой войны. Он мог не идти на фронт, он был биологом, писал уже докторскую диссертацию, у него была бронь... Но он пришёл и сказал: «маменька, простите, я не могу иначе.» Госпиталь, где он работал, попал под артобстрел... Серёжа, её третий сын, он не пошёл по стопам отца, но тоже избрал для себя военную профессию, он был инженером связи, его мобилизовали в первый день войны, а в 1916-ом, он возвратился домой, его комиссовали по болезни после того, как он наглотался газа

«совсем немного», так он сказал... Через полгода не стало и его. И вот теперь Юрочка, самый младший, ещё живой, но где он, что с ним? Господи, помогите ему, не отбирайте последнего!

– Мария Алексеевна, простите меня Бога ради, я пойду, простите покорно, – и Анечка встала, намереваясь уйти.

– Да, жизнь такая короткая и на всё Его воля, – вслух продолжила свои мысли Мария Алексеевна. Потом, как – будто очнувшись, вернувшись откуда-то из себя, медленно и спокойно продолжила, – Анна, сядьте, пожалуйста, сядьте. Никуда Вы не пойдёте, – и добавила строгим, но тихим голосом:

– Постараюсь, как могу точнее выразиться, чтобы Вы меня правильно поняли. Но сначала, извините мою прямоту, ответьте мне. Вы сожалеете, что так... такое, ну не знаю, как спросить, Вы любите Виктора?

Анечка, ни минуты не размышляя, тихо ответила:

– Я жить без него не могу, я за каждый миг благодарю Бога, благодарю судьбу, что она нас свела. Он для меня всё, весь смысл моей жизни. Я знала это с той самой минуты, как увидела его в первый раз. И я счастлива, что ношу его ребёнка. Баронесса увидела в её взгляде столько искренности, чистоты и твёрдости, что невольно сама смутилась устроенному ею этой девочке допросу.

– Простите, меня глупую, Анна. Я ведь всё это и так заметила давно. Любовь она и есть любовь, а уж Бог, который нам её дарует, сам ведаёт, быть ли ей безответной, взаимной, платонической, греховной или ещё какой. На всё Божья воля и Ему, а не мне Вас судить, да я и не ханжа. Время сейчас очень трудное, но раз уж такое выпало на вашу долю, значит и на это Божья воля.

Анечка с благодарностью и надеждой внимала каждому слову Марии Алексеевны.

– Вы говорите, что отказом послужило и то, что у вас различное вероисповедание? – Аня молча закивала, боясь прервать. – А ведь все наши Государыни послушно меняли веру, принимая мужнину, вот и последняя, Александра Фёдоровна, Царствие ей небесное, она ранее была протестанткой. Бог един для всех, может и Вам принять католичество, раз другого выхода нет? Обвенчаться – то Вам всё же надо, ребёнок не должен родиться вне брака. Что скажете, милая моя Анна, права я или нет? – и она вопрошительно посмотрела на Аню.

– Да, да, Вы очень даже правы, бесценная, дорогая Мария Алексеевна, – восторженно согласилась Анечка, теперь глаза её светились счастливой надеждой, излучая необыкновенный внутренний свет, – я и сама об этом много думала и в Писании ведь тоже сказано «Да прилепится жена к мужу своему...», конечно, надо мне сменить веру, греха в этом нет. Я думаю, что папа не будет против, он у меня такой умный, такой добрый, только... как ему сообщить? Я не имею от него никаких известий уже более полугода... – и тут же грустная пелена подёрнувшая на минуту её взор, опять сменилась ясным светом неборимого стремления молодости, жадной жизни, счастья, верой, свойственной только влюблённым сердцам, когда весь мир для тебя, и только для тебя существует, и в этом мире, что бы не происходило вокруг, если ты любишь и любим, то остальное не имеет никакого значения.

– Барыня Мария Алексеевна, господин де Маришар пожаловали, – войдя в гостиную, сообщила Лизавета.

– Проси, проси, пусть войдёт. Лиза, да иди самовар же ставь, мы давно чаю хотим, морозит меня что-то. Поищи там, может, наливочка осталась, – давала распоряжения взволнованная Мария Алексеевна.

– Сию, минуточку. Самовар уже поставила и наливочка, кажись, осталась, – закивала радостная Лизавета от того, что барыня в хорошем настроении и в доме с появлением этих новых барынинных знакомых, Мария Алексеевна стала поспокойнее, не так часто глаза её были мокрыми от слёз, которые она прикрывала платочком, чтобы прислуга ни о чём не догадалась.

– Добрый день, мадам Мария Алексеевна! Добрый день, мадемуазель Аннет, – вошёл несколько настороженный Виктор. Он галантно поцеловал обеим женщинам ручки, при этом, не смотря на всю настороженность, взгляд его излучал трудно скрываемую потаённую радость. Смотри на Анечку, он весь светился от счастья. «Господи, дай Бог, чтобы всё у них было хорошо, бедные, бедные дети...», – подумала баронесса и предложила всем перейти к столу, который уже накрывала расторопная Лизавета. Анечка с позволения Марии Алексеевны коротко пересказала Виктору их разговор, и совет Марии Алексеевны по поводу принятия Анечкой католичества, как единственно вероятный путь к возможности обвенчаться. Виктор был в восторге от простоты такого решения. Он с гордостью вручил Анечке письмо, которое только сегодня получил от матери в ответ на своё, посланное более месяца назад, где он просил мать о благословении, объяснив ей все свои чувства и вложив фотографию, на которой они вместе с Аннет сняты ещё летом... О чудо, его мать, мадам Эмилия де Маришар, их благословляла! Аня была вне себя от того, что счастье приближалось к ней с такой невероятной реальностью.

Глава 4

– Меер, Лёвка, давайте поаккуратнее, подхватите её на руки... Боже ж мой, ведь она уж и идти сама не может, – Мирра качала головой и оглядывалась по сторонам тёмной улицы. Вроде бы никто их не видел, а там всякое может быть. Ох, и зачем Меер пошёл через арку? И что теперь делать в создавшейся ситуации Мирра просто не представляла. Одного только сделать-таки было нельзя – это оставить девчонку погибать прямо у них под носом на мокрой мостовой под ледяным февральским ветром, Мирру аж передёрнуло от одной этой мысли: «Нет, хорошо, что Меер пошёл через арку... ну ничего теперь не поделаешь, только бы никто не увидел, такое время страшное... а мы таки до утра что-нибудь придумаем.» Девушка старалась идти сама и всё приговаривала словно в бреду: «Я сама, право, не стоит так беспокоиться... я сама, ой, сколько хлопот со мной, простите... я тут посижу чуть-чуть... только передохну, простите... сколько хлопот, я сама... простите...» Когда Мееру и Лёвке всё же удалось спуститься с ней по крутым ступенькам в свой подвал и втащить её на кухню, где было тепло и даже чуть душновато, едко пахло лавровым листом и чесноком, она сразу же потеряла сознание.

Мирра немного задумалась, оценивающим взглядом посмотрела сначала на Лёвку, потом на Меера, вздохнула, опять покачала головой и сказала:

– Придется вам мне помочь её переодеть, сама я, пожалуй, таки не справлюсь. Только не паяться, всё же барышня, понятно?... Чего это она такая мокрая? Вроде и дождя уж такого не было?

– Так это ж... Ну... я же ведра на неё опрокинул, когда споткнулся... Я же и сам испугался, Миррочка!

– О, Вей! Ну, чего тебя таки понесло через эту арку? – с досадой проворчала Мирра, стаскивая с девушки совершенно мокрую одежду. – Меер, принеси мне полотенце и рубашку, там в комодке возьми байковую, она потеплее.

Лёвке она передавала то, что снимала с девушки, снять пришлось почти всё. Вещи были такие мокрые, хоть выжимай. "Как же это она ещё не околела? – подумала Мирра, – А тоща-а-я какая!" Уже заметно выступающий животик торчал как-то нелепо, как у рахитичного ребёнка, Мирру остро резануло по сердцу: "Ну точно синяя кура с Привоза. На что тут-таки паяться? Кошмар... бедный мой мальчик! И эта первая женщина, которую он увидел", – Мирра огляделась на Лёвку и строго прошептала: «Все её вещи надо пока спрятать, а потом лучше бы выбросить. Особенно те, что форменные, из госпиталя, ты меня понял?»

– И шубу, мамочка?

– Шубу... шубу бы тоже... но, дай, подумаю... пока разверни её и положи к печке пусть просохнет, только накрой какой-нибудь драненькой тряпкой, чтобы сразу в глаза не бросалась, понял? Ну, давай уже быстренько.

– Мирра, золотце, там только твоя новая байковая рубашка, та, что я тебе в прошлом году пошил, голубая, и вот полотенце... оно тоже ещё совсем хорошее, – Меер смущаясь, что как всегда сделал что-то не так, стоял с принесёнными вещами.

– Разве я говорила, что бы ты принёс обноски или рваньё? Что-то не припомню такого, – проворчала Мирра, растирая горячим мокрым полотенцем спину и плечи девушки, – жаль водка кончилась. Вот-таки надо, что бы в доме всегда была водка, – и она с укором взглянула на мужа, – Горчица-то в этом доме хоть осталась? Неси скорее, и масло постное захвати. Только тихо мне ходи, детей не перебудди.

Мирра растёрла девушке спину, плечи, попробовала дать немного горячего чая с мёдом. На какие-то мгновения девушка открывала глаза и даже пыталась что-то сказать, но речь её была почти бессвязным лепетом. В один из таких моментов Мирре удалось-таки кое-как заставить девушку выпить тёплый чай с остатками чудом уцелевшего мёда.

– Мамочка, тут у неё какой-то свёрточек в кармане. Как Вы скажите, его-таки тоже выбрасывать или нет? – Лёвка протягивал матери небольшой свёрток, обёрнутый куском синего сатина. По всей видимости, пакет или что-то наподобие пакета, может ридикюль.

– Дай отцу, пусть пока спрячет, наверное, документы. Ну- ка, помогите перетащить её в комнату, на кровать класть будем.

Лёвка, как уже взрослый, спал на собственной кровати, остальные сыновья спали на двух широких топчанах, ну а маленький Илюшка пока обитал в спальне родителей, так как Мирра ещё нет-нет да и кормила его грудью, благо молока было достаточно и хлопот с кормлением меньше. Опять же экономия.

– Мамочка, я всё же имею спросить, Вы, что собираетесь её класть на мою кровать? – Глаза Лёвки округлились то ли от возмущения, то ли от перспективы чего-то необычного, а щёки медленно заливала краска.

– Интересно. А что я должна её класть с собой и с отцом? Или у нас есть специальная комната для гостей? Станный вопрос всё же ты умеешь задать, Лёвушка? Разве у нас есть ещё кровати?... Тю-ю, – посмотрев на смутившегося сына, Мирра сердито добавила, – ты что подумал, балда?... ляжешь с братьями.

– Ничего я не подумал, – ответил уже-таки сильно покрасневший от обиды Лёвка, – я вообще делаю всё, что Вы, мамочка, говорите: где скажете, там и лягу.

Так они сустились и пререкались, стараясь делать всё быстро и, по – возможности, тихо. Мирра постоянно поглядывала в сторону спящих ребятшек – не ровен час, кто-то из них проснётся – нет, дети спали крепко. И даже маленький Илюшка сопел, как всегда засунув большой палец в рот. "Вот завтра я тебе горчицей эту соску-таки намажу! А то соску он себе придумал, кыця моя!" – и Мирра ласково ещё раз оглядела все курчавые головки своих мальчиков: шестнадцатилетний Ицек, чуть прикрытый одеялом, лежал съёжившись, поджав худые коленки под самый подбородок, – «Ох, уж этот Зямка, вечно одеяло на себя перетянет. А ведь-таки на три года младше! Шустрый парень будет. Этот за себя постоять сможет, ну и хорошо.»-Мирра, бережно укрыв Ицека, восстановила справедливость. Поцеловала обоих в тёмные макушки. На другом топчане спали обнявшись близнята Люсик и Мотя, они всегда защищали друг дружку. Ну, просто не разлей вода! А у стенки, положив обе ручки под щёку, сопел пятилетний Гершик. Опять все щёки в красных прыщиках! «И где ж он те конфеты берёт, пострелёнок, их уж и во всей Одессе-то не осталось: надо-таки завтра опять примочки с чередой сделать...», – глубоко вздохнув, подумала Мирра.

Тем временем Меер, отгородил пёстрой ситцевой простыней угол комнаты, где стояла Лёвкина кровать с лежащей теперь на ней незнакомой женщиной, которая почти не подавала никаких признаков жизни. Мирра Ильинична заставила Лёвку вымыть пол на кухне, еще раз обошла всю их небольшую квартиру. Она тщательно проверила нет ли каких-либо признаков внезапного появления в их доме случайного человека. Причём, ведь это совершенно случайный, посторонний человек, незнакомая женщина... так просто с улицы, темной ночью... может больная чем – то непотребным, может бандитка какая? О-О, Вейзмер! И всё это только сейчас стало медленно – болезненно прокручиваться в её голове. В груди заныло тягучей тревожной болью. Мирра на тяжелеющих, плохо слушающихся ногах едва дошла до стола в кухне, села на стоящий рядом табурет, обхватила голову руками и тихо застонала, раскачиваясь взад и вперед.

Родилась Мирра в маленьком местечке Карловка, что под Полтавой, в семье небогатого музыканта Ильи Малкевича, ранние детские годы всплывали в её памяти яркими короткими эпизодами. Мама Фейга была тихой, ласковой женщиной. Она никогда не повышала голос, а если была чем-то недовольна, то просто, качая головой, смотрела своими глубокими тёмными глазами так грустно, с такой щемящей тоской, что делалось ужасно стыдно за свой плохой поступок и хотелось никогда-никогда больше не огорчать маму. Папа, напротив, был всегда

шумный, веселый, и пребывал всегда в чудесном расположении духа. Он слыл непревзойденным виртуозным скрипачом, и во всей округе не было другого такого, кто мог бы извлекать из своей небольшой лакированной скрипочки такие чарующие, то разухабисто-весёлые, то пронзительно-скорбные, то ласкающие, то щемящие до невыносимой боли сердца, звуки. "Равных Илье Малкевичу нет! Он знает не только как играть на своей скрипке, он знает каждую струну человеческого сердца!" – так говорили об отце повидавшие на своём веку старики, с ними соглашались и совсем молодые, находящиеся ещё в счастливой поре влюблённости, люди. Ни один праздник, будь то Пейсах, или Пурим, или Рош-а-шана, ни одна свадьба, или, не к ночи будет помянуто, похороны, да и просто чей-то День Рождения не обходились без Ильи Малкевича. Его любили, им восторгались, он всюду был желанный гость. Мирра помнила, как замирало всё вокруг, лишь только отец подносил смычок к струнам и раздавались первые звуки. Уже через мгновение лица слушающих светлели, а потом все улыбались, начиная подпевать, пускались в пляс. Но вдруг смычок, послушный руке отца, взмывал вверх и опустившись нежно и бережно на лежащую на плече скрипку, находил такую, ведомую только ему одному, ту таинственную струну, так пронзительно поющую, так необыкновенно тихо и нежно звучащую, так надрывно и скорбно, как только могло стонать растерзанное вековыми скитаниями и гонениями, несправедливыми обидами и болью, многострадальное еврейское сердце. И тогда Мирра видела, как по щекам шумных, только- что возбуждённых весельем, а теперь притихших, задумавшихся каждый о чём-то своём людей, по их, или морщинистым, старым щекам, или румяным, молодым, здоровым, и даже по детским, ещё ничего не осознающим, текли слёзы, слёзы просветления. Так мог играть только гений.

...Мама умерла при родах, маленького братика. Сёму сразу же забрала сестра отца тётя Эстер, которая жила неподалёку, и у неё было своих пятеро ребятишек, младшему из которых, едва исполнилось полгода и она кормила его грудью, а потому и Сёмку было чем кормить. Из Полтавы приехали родители Фейги бабушка Двойра и дедушка Давид. Похоронив дочь, некоторое время они прожили в доме Ильи Малкевича. Отец, совершенно убитый постигшим его внезапным горем, стал много пить, он и раньше этим не брезговал, музыканту всегда полагалось за работу поднести рюмку-другую, теперь же он пил с горя. Жизнь со смертью жены казалась ему конченной. Поначалу его по-прежнему всюду приглашали, жалели, потом звать стали уже не так охотно, так как обычно все его выступления теперь оканчивались сплошными хлопотами с его пьяными слезами и засыпанием где-нибудь под столом. Шестилетнюю Мирру бабушка Двойра и дедушка Давид решили забрать с собой в Полтаву, тем более, что скоро ей приходила пора учиться.

Прошло два года. Однажды бабушка позвала Мирру и, прижав её к себе, тяжело вздохнув, сообщила, что тётя Эстер прислала письмо. Маленький Сёмушка уже начал ходить и немного даже разговаривает. Потом сделав долгую паузу, опять тяжело вздохнула, поцеловала в голову вдруг притихшую, всю сжавшуюся Мирру и тихо добавила: "А вот отец твой, Миррочка, Илья Абрамович, умер. Пусть Земля ему будет пухом... Возвращался от приятеля со свадьбы. Наверное, выпил немного, заблудился... А ночью как раз мороз, а он... ты же знаешь, детка, легко одевался, вот и простыл... Мир праху его." Она обняла перепуганную плачущую Мирру и они ещё долго так сидели, прижавшись друг к дружке, обе всхлипывая. Так Мирра стала круглой сиротой.

Много лет спустя она узнала, что отец просто замёрз пьяный на обочине дороги и если бы хоть кто-нибудь его в тот момент заметил, увидел, помог, то ничего страшного бы не произошло. Его нашёл на утро следующего дня проезжающий мимо на своей телеге сосед Хаим, который возвращался с той же самой свадьбы, где весь вечер проплясал под восхитительные звуки Илюшкиной скрипки и выпил с ним не одну рюмку самогонки. Илья лежал скрючившись. Лёгкий снег покрывал его лицо и не таял. Футляр с бесценной скрипкой, завёрнутый в лёгкий суконный лапсердак, он заостеневшими руками прижимал к уже остывшему своему

худому телу... Он был здоровый, молодой мужчина. Он остался бы жив, в то время ему не было и тридцати лет

Глава 5

– Солнышко моё, кыця моя, как ты устала! – Меер Моисеевич войдя в кухню, увидел сидящую за столом бледную, расстроенную Мирру, обнял её, поцеловал в висок, – Ну, не переживай так, Миррочка, всё мы с Лёвкой устроили. Она пока ещё спит. Давай-таки вот что: посмотрим, что там у неё в этом свёрточке, может быть хоть узнаем кто она такая, а то сами пустили в дом барышню на свою голову и сами-таки теперь и расстраиваемся, – успокаивал Меер Моисеевич Мирру, чувствуя, какие тревожные мысли могли блуждать в её голове. В свёрточке были документы: «Воронцова Анна Ипполитовна... дворянка ...девица... мать – урождённая баронесса фон Ланге" (видно из прибалтийских немцев) – "... отец – капитан второго ранга... Воронцов Ипполит Андреевич" (небось родственник ещё и князю Воронцову), «Справка из Военного Госпиталя» (а он последнее время обслуживал белогвардейцев!), «Разрешение на эвакуацию» (подписанное самим Деникиным!..), фотографии родителей (какая красивая семья!). И ещё одна, на которой она вместе с офицером, по форме видно, что офицер – французский... такие радостные, красивые, молодые... наверное, брат или отец её ребёнка?... Да, Мирра Ильинична всего ожидала, но такого набора... Была бы просто мешаночка какая, а тут-таки прямой пропуск в ЧК к стенке. Она-то хорошо помнила, как они с Меером тряслись от каждого стука в дверь, когда пришли большевики к власти. Начался жуткий Красный Террор, расстреливали, грабили... Мироновича – ювелира, всю семью, десять человек, не пожалели стариков-родителей... потом Поляковых (скажи, пожалуйста, какие буржуи – Бакалейный магазин имели, но продукты надо же было забрать со складов, всё по закону-экспроприация).

Бергманы, врач Белецкий, адвокат Ревзин, и просто обыкновенные люди... погромы на Запорожской... А эти страшные списки, которые расклеивались по всему городу! Самая одержимая, ярая чекистка, товарищ Дора самолично пытала, издевалась, зверь, да и только! Её – то повесили, а сколько ещё таких дор там в ЧК!... Когда вскрыли деникинцы прошлой осенью в Александровском саду захоронения, весь город ужаснулся сколько народа там похоронено... так навалом, как скотов... А что сейчас, когда Советы пришли к власти, будет по- другому? Нет по- другому они не умеют. У Мирры сердце останавливалось от одной только мысли, что приютив эту женщину, пожалев её, совершив обыкновенный человеческий, естественный поступок – просто помочь больной беременной женщине, она навлекла на всю семью опасность, она привела в дом не просто беду, а смертельную, жуткую, страшную беду... И как теперь быть она не знала. Знала она только одно – у неё в доме «белогвардейская контра, а они, Вишневецкие, все пособники той самой контры», которая лежит сейчас за занавеской такая жалкая, несчастная и мучается в диком лихорадочном бреде. Видно было, что и Меер думал о том же самом, взгляд его помрачнел, он как-то ссутулился и не произносил ни слова.

Аня не приходила в себя, бредила, изнывая от жара и кашля. Больше недели уже длился весь этот кошмар, а ей не становилось лучше, несмотря на все ухищрения Мирры, на все её старания. Детям пришлось сказать, что у них в доме больная родственница и беспокоить её не нужно. Она так и лежала за занавеской то неподвижно с едва заметными признаками жизни, то металась в горячечном бреде, пытаясь встать. Около неё постоянно кто-нибудь дежурил то Лёвка, то Ицек, то сама Мирра подходила, её волновало бьётся ли ещё бедное дитя под сердцем этой изнемогающей от болезни девушки. Однажды Мирре показалось, что никакого шевеления и биения уже нет, и она, перепугавшись, послала Ицека за доктором Кассирским, который жил неподалёку.

Доктор пришёл незамедлительно, хотя на улице уже смеркалось и опасно было выходить, близился комендантский час уже объявленный в городе. Доктор Кассирский был немало удивлён, что в доме у Вишневецких откуда-то появилась незнакомая ему ранее родственница, хотя

всю семью он пользовал не первый год. Но на все его недоумённые вопросы Мирра сухо отвечала: «Потом, потом, пан Кассирский, потом всё вам объясню, вы уж, пожалуйста, повнимательнее её осмотрите, я что-то волнуюсь, совсем растерялась...» Пан Кассирский долго осматривал больную, внимательно прослушал и простучал пальцами худенькую Анину спину, качая седой косматой головой, потом так же внимательно прослушал живот, и так же не переставая качать головой воскликнул: – Матка Боска, пани Вишневецкая, вы совершенно напрасно так волнуетесь, у вашей... «родственницы»(при этом он многозначительно посмотрел на Мирру) ничего страшного я лично не нахожу, глубокий бронхит-таки есть... а ребёнок жив, биение слабое, но явное... тут что-то другое, может она переволновалась, нервы, знаете ли, коварная штука... Как же она у вас- то оказалась в такое- то время? – Мирра поджала губы и ничего на это не ответила, – Впрочем, это меня не касается вы правы, пани... Тепло, укусовые примочки при жаре, побольше тёплого питья, ну вы и сами знаете. Я думаю, всё обойдётся. У вашей «родственницы»– он опять многозначительно взглянул на Мирру поверх очков, – пани Вишневецкая, очень крепкий организм... Матка Боска, всё будет нормально... дня через два-три.

Когда он ушёл, Мирра вздохнула с некоторым облегчением, что с ребёнком всё в порядке и угрозы того, что Аня умрёт прямо тут на Лёвкиной постели, пока нет. Но возникла другая угроза: «донесёт, точно донесёт»– подумалось ей, и опять мысли её стали лихорадочно биться в поисках нужного решения, как поступить, что делать?

Глава 6

Красное пятно растекалось, увеличивалось, оно закрывало уже всё вокруг, и землю, и небо, сплошное красное липкое пятно... Нет не пятно, большой серый плед с чёрными крупными клетками, клетки неровные, блестящие, между ними красная жидкость, она наполняет промежутки, переливается из одного в другой медленно, очень медленно... И вот уже нет места гладким чёрным клеткам, красные ручейки слились..

Ах! Какой красивый нынче закат, какое большое алое солнце! Я прежде никогда не видела такого красивого заката... Я тоже!.. Пятно, большое красное пятно... Это совсем не плед, это мостовая... – Виктор, родной мой, вставай, здесь так грязно и эта мерзкая липкая красная жидкость! – она целует его глаза, лоб, гладит холодные щёки.

– Виктор, услышь меня, любимый, милый мой, вставай... Его большие тёмно – вишнёвые глаза смотрели на неё с мольбой и растерянностью.

Губы еле шевелились, но она услышала, – Прости... меня..., моя Анэчка... я так лублу тебя... лублу... Анэчка – он смотрел на неё широко раскрытыми глазами, но уже не видел её. – Виктор, Виктор, не уходи! Сейчас, сейчас, потерпи... Помогите, кто-нибудь, помогите!!! – Аня кричала изо всех сил, но голоса не было, был тихий шепот. Темнота, опять это красное пятно наступает и обволакивает, липкое тёмно-красное пятно... Кровь!... Откуда здесь кровь? Много крови... Боже мой, ведь это его кровь... Большие тёмно-вишнёвые глаза смотрели куда-то сквозь неё. Из уголка полуоткрытого рта полилась тоненькая, алая струйка и остановилась у самого подбородка... Свист полицейского.

– Тикай, хлопцы, кажися французику конец... Га-аа...у! Падла, чего воешь, шлюха, погуляла и будя! Контра недорезанная Тикать надо, Микола, хйба позно будэ... Цэ тоби грошы нужны? Тю-ю так цэ ж дохлый номэр. У, французьска пыдстилка, скажи спасибо, хйба сама цела... га-га-гааа! Бо времени... нету...

– Люды, люды... Ой, офицера, убили!

– Как барышню то не тронули...

– За что ж воны ёго?

– Цэ воно видать так, созорничали хлопцы по пьянке.

Свист полицейского всё нарастал, давил в виски, боль становилась невыносимой – «Виктор, Виктор не надо, не оставляй меня, Виктор!» – болело сердце, душа, каждая клеточка... Свист, свист проникал под серую беличью шубку... холодно, очень холодно... снег залеплял глаза... белый-белый снег, почему в Одессе такой белый снег... Нет, это Петербург, Петербург... Мама, мамочка, мне так холодно, согрей меня... Они убили его, мама, – Я всё знаю, девочка моя, все знаю... – мама, я не могу жить без него, как же это, почему, за что? Мама, помоги мне, возьми меня. Ласковые, грустные мамины глаза— нет не могу, тебе нельзя, ведь ты скоро будешь сама мамой Мама, мама... Виктор...

И мамины глаза, и Виктора, и красное пятно- всё поглотила густая чёрная пелена.

– Мама, она снова бредит, подите сюда. Говорит то по-русски, то по-французски. Какого-то Виктора всё зовёт, теперь, маму вспомнила, ничего не понятно, – Лёвка сидел у Аниного изголовья и менял тряпочки с уксусной водой, прикладывая их на разгорячённый её лоб. Подошла Мирра Ильинична, покачала головой, потом, просунув руку под одеяло, долго держала её на Анином животе. Под Мирриной ладонью периодически чувствовались слабенькие толчки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.